

А.С. Лаппо-Данилевский

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ. ВВЕДЕНИЕ*

Предисловие

Предлагаемое введение дает понятие о методологии истории и содержит обозрение ее литературы и ее преподавания в высшей школе. <...> Ввиду принципиального различия между методологией истории и ее технологией, а также ее методикой, настоящее обозрение касается последних лишь мимоходом, например, в связи с краткими указаниями на преподавание методологии истории в высшей школе, все еще очень мало утвердившееся в системе университетских занятий. Настоящий очерк издается с целью, по возможности, способствовать их развитию и содействовать всякому интересующемуся историей сознательно отнестись к основным задачам и методам исторического мышления, в сущности, постоянно прилагаемого каждым из нас к самым разнообразным фактам повседневной жизни и особенно нужного в те эпохи, когда мы переживаем великие исторические события <...>

---

* Публикуется по: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск первый. Посмертное издание. Петроград, Российская Государственная Академическая типография, 1923. С. III–IV, 3–16. Переизданная в 2006 г. книга (*Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 472 с.) является Пособием к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1909 / 10 уч. году. Часть I. Теория исторического знания. Выпуск первый. Посмертное издание. Петроград, Российская Государственная Академическая Типография, 1923. — 285 с.

Из аннотации к изданию «Методологии» 1923 г.: «Настоящее издание “Методологии истории” А.С. Лаппо-Данилевского является ее третьим изданием: второе издание, к которому автор уже написал ниже печатаемое предисловие, погибло в типографии в 1918 г. При жизни автора были отпечатаны стр. 1–144 настоящей книги, остальное же осталось частью в виде переработанных корректур второго издания, частью в рукописи, еще не поступавшей в набор. Лишь в самом конце этого вполне подготовленного к печати текста оказались вложенными непрономерованные листки, быть может, подлежащие дальнейшей переработке в связи с контекстом — они помещены в прямых скобках (стр. 265–268). Для выпуска в свет этого посмертного труда пришлось только добавить оглавление и указатель имен. Их составление, равно как и наблюдение за допечатанием книги, лежало на учениках покойного — А. А. Дроздецком, С. Н. Валке и А. И. Андрееве.

7 Февраля 1923 г.»

ВВЕДЕНИЕ

Принципы и методы исторической науки

Нельзя не признать самой тесной связи между теорией познания и методологией науки: лишь с известной гносеологической точки зрения можно конструировать целостное учение, которое принципиально установило бы, в чем именно состоит ее задача, и последовательно наметило бы тот путь, который ведет к ее разрешению.

В самом деле, при рассмотрении любой теории познания легко убедиться в том, что она ставит своей проблемой истину или соответствующее ей знание и, в сущности, лишь в трансцендентальном его единстве находит то основоположение, которое обуславливает понятие о науке: ведь в формально-логическом смысле только истинное знание, характеризующее систематическим единством, называется наукой: оно тождественно с самим собой и согласовано во всем своем составе; оно отличается общезначимостью и обоснованностью своих суждений; оно выясняется в его априорных и апостериорных элементах, в его условиях и границах, в его обобщающих и индивидуализирующих понятиях, образующих различные его отрасли, в его разнообразных предметах и способах их исследования и т. п.; и только при надлежащем понимании таких гносеологических предпосылок учения о науке вообще и об отдельных ее разновидностях можно приступить к построению ее методологии, т. е. системы тех принципов и связанных с ними методов научного мышления, в силу которых содержание его приводится в систематический порядок, подчиняющий себе и более специальные его дисциплины*.

---

* Ср. *I. Kant*, *Kritik der reinen Vernunft*, SS. 708–709, 721 и др.; см. его же рассуждения о «Methodenlehre», *ib.*, SS. 735–736. Следует, конечно, отличать выдвинутое Кантом понятие о систематическом единстве, которое «разум» прилагает в качестве «регулятивного основоположения» «ко всему возможному эмпирическому знанию (рассудка) о предметах», от понятия об «иерархическом» единстве сознания: последнее употребляется в психологии. Понятие о систематическом единстве науки было высказано более или менее удачно мыслителями разных стран и времен, Ср. *I. Kant*, *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft* (1786), в *Sämmtliche Werke*, hrsg. von G. Hartenstein, Bd. IV, SS. 357–358: «Eine jede Lehre, wenn sie ein System, d. i. ein nach Principien geordnetes Ganze der Erkenntniss sein soll, heisst Wissenschaft... Eigentliche Wissenschaft kann nur diejenige genannt werden deren Gewissheit apodiktisch ist ...» и т. д. *A. Cournot*, *Essai sur les fondements de nos connaissances*, § 308 (nouv. éd., p. 458): «La science est la connaissance logiquement organisée» (ср. ниже: «l'organisation ou la systématisation logique»). *H. Spencer*, *First Principles*, § 37

Ввиду вышеизложенных соображений должно конструировать учение о принципах и методах науки с теоретико-познавательной, а не с генетической точки зрения. В самом деле, нельзя генетически обосновать ни ее принципы, ни ее методы: ведь и великая истина, и великое заблуждение, например, имеют свой генезис; но о познавательном значении их нет возможности судить по их генезису; исследование его может дать понятие лишь о том, как они возникли и, таким образом, способствовать пониманию действительного их содержания, расчленению приводящих в него элементов, выяснению способов их образования и т. п. Строго придерживаясь, однако, теоретико-познавательной точки зрения, необходимо различать логическое значение принципов и методов знания от их развития и не смешивать, например, методы знания с факторами, играющими известную роль в его генезисе, или логическое соотношение методов — с их эволюцией в процессе научной работы, хотя условия подобного рода и влияют на те способы мышления, которые мы употребляем в действительности.

С такой же теоретико-познавательной, а не генетической точки зрения следует, в сущности, рассматривать в методологии наук и то соотношение, в каком принципы и методы исследования находятся к их предметам: выясняя принципы и методы, под условием и при помощи которых знание данных объектов возможно, она стремится определить их содержание и их объем, что, в свою очередь, обуславливает и более специальные методологические особенности их исследования; но она не задается целью изучить происхождение нашего знания о них, хотя бы его проявления и развивались в таком именно соотношении; впрочем, она, конечно, не отказывается принять во внимание результаты подобного рода работ для всестороннего обсуждения собственных своих задач и способов их разрешения.

Само собою разумеется, что все эти общие требования предъявляются учению о принципах и о методах самых разнообразных наук, отличных друг от друга по своим задачам: методология каждой отдельной науки должна считаться с ними, все равно, задается ли она изучением

(фр. пер. р. 117): «Science is partially-unified knowledge» и т. п. Аналогичное понимание, высказанное, однако, в довольно неопределенных выражениях, встречается и у ученых; см., например, *H. Poincaré*, *La valeur de la science*, р. 266: «La science... est un système de relations». Впрочем, при определении понятия о науке многие ученые, например, Конт (ср., однако, *Cours de philosophie positive*, 2 éd., v. I, р. 52), Гельмгольц, Кирхгофф, Пирсон, Пикар и другие принимали во внимание лишь производные ее признаки, более или менее выдвигая некоторые из них и усматривая их иногда в одном только научном методе; ср. ниже с. 5, прим. 1; с. 12, прим. 1 и др.

предмета с идеальным или реальным значением, исследует ли природу или историю; в последнем случае она также исходит из общих гносеологических предпосылок о науке и принимает во внимание те основные принципы познания, которые обуславливают (в логическом смысле) самую возможность всякого знания, значит, и исторического, причем, в соответствии с ним, устанавливает и его методы.

При дальнейшем рассмотрении науки с методологической точки зрения легко заметить, однако, что в зависимости от той системы ее отраслей, которая принимается, и того положения, какое занимает в ней данная наука, построение ее, кроме общих ей с другими понятий, может нуждаться в особом рода предпосылках: чем она «сложнее», например, тем труднее ей обойтись без дополнительных принципов, соответственно обуславливающих те ее методы, которые нужны для изучения данного предмета. В отличие от наук с идеальным предметом, науки с реальным предметом их задания или науки о действительности пользуются, например, понятием о причинно-следственном отношении; в отличие от изучающих действительность «наук о природе», «науки о духе» допускают признание чужой одушевленности; в отличие от обобщающих наук о природе и о духе, индивидуализирующие науки об их истории рассуждают об «историческом значении» данных объектов и т. п. В соответствии с дополнительными принципами науки обращаются и к более сложным методам, представляющим разнообразные сочетания синтетических и аналитических операций или дедуктивных и индуктивных приемов с более специальными способами исследования данных объектов; в таком смысле можно говорить, например, кроме чисто конструктивных математических и более близких к действительности статистических методов исчисления, о методах: экспериментальном и сравнительном; о методах: психологическом и собственно историческом и т. п. С указанной точки зрения методология наук расчленяется на соответствующие отрасли*.

---

* *Chr. Sigwart*, *Logik*, 3 Aufl. Tübingen, 1904, особенно Bd. II: *Methodenlehre*. *W. Wundt*, *Logik*, 3 Aufl., Stuttgart, 1906–1908, особенно тт. II–II, названные в предшествующих изданиях «*Methodenlehre*». Ср. еще, кроме других общих курсов логики, коллективные труды: *Lectures on the method of science*, ed. by *T. Strong*, Oxford, 1906. *De la méthode dans les sciences*, 1 série с предисл. *P.F. Thomas*; 2 série с предисл. *E. Borel*, Par., 1909 и сл. Многие, особенно в новое время, также рассуждали с методологической точки зрения или о целой совокупности наук, начиная, например, с Телезия и кончая Наторпом и Пикаром, или об отдельных науках, например: Лобачевский и Риманн, Пуэнкаре и Рёссель — о математике, Гельмгольц, а также Гертц и Мах — о механике и физике, Бертелло и Оствальд — о химии, Дюбуа-Реймон и Клод Бернар — о естествознании, Бинэ и Мюнстерберг — о психологии, Спенсер и Зиммель — о социоло-

В качестве одной из них, отличной от других, методология истории должна иметь в виду, кроме общей с ними цели, и свою специфическую задачу: она устанавливает производные принципы или положения, которые, в комбинации с основными, делают возможным изучение данных нашего опыта с исторической точки зрения и придают систематическое единство историческому знанию; вместе с тем она выясняет и те методы исторического мышления, которые относятся к ним и благодаря которым известная точка зрения прилагается к изучению данного материала; таким образом, она оттеняет и общее значение исторического метода, и главные его особенности, в соотношении их с объектами исторического исследования, что получает особенно большой вес в глазах тех историков, которые готовы признать «историю» в сущности и прежде всего методом; лишь при таких условиях она может установить принципы систематически-объединенного, общезначимого и обоснованного знания о той действительности, которая имеет «историческое значение», и выяснить те методы, которые служат для того, чтобы устранить противоречия между показаниями о ней и конструировать из ее элементов одно историческое целое.

Сообразно с указанными требованиями пытаюсь разрешить такие проблемы, методология истории не входит, однако, в специальное рассмотрение генезиса исторического мышления или историогенезиса, хотя и пользуется наблюдениями и выводами подобного рода для выяснения, например, особенностей, характеризующих разнообразные теории исторического знания, а также некоторые методы исторического исследования.

На основании соображений, изложенных выше, легко придти к заключению, что методология науки преследует две задачи: основную и производную; основная состоит в том, чтобы установить те принципы, которые лежат в основе науки и в силу которых она получает свое значение; производная сводится к тому, чтобы дать систематическое учение о тех методах, при помощи которых что-либо изучается. Подобно методологии всякой другой отрасли науки, и методология истории, разумеется, ставит себе те же задачи: она стремится дать теорию исторического знания и выяснить методы исторического изучения.

Теория исторического знания занимается установлением его принципов, основных и производных: она выясняет, например, с какой теоретико-познавательной точки зрения историк изучает данные нашего исторического опыта; какое значение он должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях; каков критерий исторической оценки, на основании которого

гии, и т. д.; об историках см. ниже в книгах I и II.

он производит выбор фактов; каким содержанием и каким объемом он ограничивает предмет исторического знания и т. п. Такие вопросы решаются различно, а потому теория исторического знания и рассматривает, какую познавательную цель ставят себе исторические школы разных направлений и какой характер получает историческая наука в зависимости от того, изучает ли она исторический материал с номотетической или с идиографической, т. е. с обобщающей или индивидуализирующей точки зрения, и каковы основные принципы каждого из этих построений.

В сущности, познавательная точка зрения, которая обосновывается в теории исторического знания, обуславливает и учение о методах исторического исследования: не вдаваясь в рассуждение об историческом значении воспринимаемых фактов, оно имеет в виду более скромную цель; оно выясняет то соотношение, которое существует между принятыми в нем принципами и методами изучения, а также соответствие той, а не иной их комбинации с ближайшим предметом исторического исследования; в связи с принципами оно дает, значит, систематическое понятие о методах, благодаря которым историк занимается изучением исторической действительности. Учение о таких методах может, конечно, касаться их с общей формально-логической точки зрения, не входя в подробное рассмотрение тех их сочетаний, которые пригодны для изучения собственно исторических данных, и в таком случае содержит, например, размышления о роли анализа и синтеза, дедукции и индукции в исторических науках, т. е. об историческом методе вообще; но оно должно излагать методы исторического изучения и в относительно частных их сочетаниях, поскольку последние обусловлены более специальными познавательно-научными целями, преследуемыми ученым при исследовании данного рода исторических источников и фактов.

Такое учение обнимает, значит, кроме рассмотрения исторического метода вообще, «методологию исторического источниковедения» и «методологию исторического построения». Методология исторического источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал или существует. Методология исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк объясняет, каким образом произошло то, что действительно существовало и существует, и строит историческую действительность.

Само собою разумеется, что принципы и методы исторического изучения нельзя отождествлять с техническими правилами и приемами исследования. В самом деле, хотя, с генетической точки зрения, методо-

логия науки развивается в связи с его техникой, однако, на основании выше сделанных замечаний, легко заключить, что научный принцип и техническое правило не одно и то же: научный принцип требует своего обоснования путем опознания заключающейся в нем истины; техническое правило не обосновывается, а формулируется ввиду той утилитарной цели, которая ставится исследователем, и, не столько принципы, сколько правила подобного рода преимущественно и лежат в основе собственно технических приемов работы. Вместе с тем, в отличие от общих методов изучения, такие приемы должны находиться в еще более тесной зависимости от свойств изучаемых объектов, т. е. от особенностей тех, а не иных исторических фактов: подобно тому как физик пользуется соответствующими способами и приборами для своих исследований, и историк стремится придумать наилучшие средства и орудия для обработки данного рода исторических источников или явлений и событий. Общее учение методологии истории не может, однако, задаваться целью изложить технологию исторического исследования: в сущности, она всего лучше усваивается в работе над соответствующими видами сырого материала.

Ввиду тесной связи между общей теорией познания и методологией наук, естественно предполагать, что последняя, в свою очередь, может развивать, исправлять или дополнять ее и таким образом оказывать ей существенные услуги, хотя бы размышления подобного рода и не представляли ничего ценного для специально научных изысканий. Действительно, в последнее время, например, теория познания значительно расширилась благодаря тому, что мыслители прошлого и начала нынешнего века обратили серьезное внимание на логику отдельных наук, в том числе и на особенности собственно-исторического мышления.

Вместе с тем, однако, методология науки имеет теоретическое значение и для обоснования, а также для построения данной отрасли научного знания. Без методологических размышлений наука не в состоянии достигнуть некоторого единства в области научных понятий: лишь строго придерживаясь той теоретико-познавательной точки зрения, которая всего более удовлетворяет такому требованию нашего сознания, она может пользоваться соответствующими принципами и методами для того, чтобы обосновать наше знание, объединить известные данные нашего опыта, придать единство нашему научному построению и выработать систему научных понятий, а не довольствоваться разрозненными научными представлениями. Следовательно, методологии науки должна принять во внимание принципы такого единства, хотя бы в области данной отрасли знания, т. е. опознать ту истину (аксиому), на которой каждый из них основан. Не имея возможности, однако, установить один принцип вне отношения его к другим, методология науки не ограничи-

вается изучением каждого из них в отдельности; она стремится выяснить систему понятий, ибо только таким образом каждое из них получает надлежащее значение; она пользуется одним или несколькими наиболее общими понятиями, суммирует под них менее общие и т. п. Даже в математике, науке наиболее сложившейся, вопросы подобного рода обсуждаются довольно оживленно; методологические рассуждения в этой области привели в последнее время к сближению между логикой и математикой и к критическому рассмотрению основных принципов самого математического знания*. Методологические рассуждения имеют тем большее значение применительно к наукам, логические особенности которых далеко еще не выяснены, а к ним надо причислить и историю. Методология истории также обсуждает основания исторического знания и способствует выработке обоснованной системы исторических понятий; она устанавливает их путем рассмотрения и формулировки основных принципов исторического знания и методического их раскрытия, возможно более последовательно проводимого сквозь всю историческую науку. Специальные исследования не могут дать такой системы: они только готовят материал для нее.

Впрочем, не трудно убедиться в том, что, кроме теоретического интереса, методологические рассуждения имеют и практическое значение для науки: один из великих математиков начала прошлого века заметил, например, что «знание метода, которого гениальный человек придерживался, не менее полезно для успехов науки, чем его открытия»**; такое влияние обнаруживается, разумеется, и в области исторических работ.

Размышление над методологическими проблемами может быть весьма полезным уже в чисто формальном отношении: такое обсуждение оставляет в уме привычку к систематическому, методически правильному мышлению, а оно, разумеется, продолжает действовать и в сфере специальных исследований; оно всегда отражается, например, на точке зрения, с которой данный объект изучается, или на методе, который употребляется в данной исторической работе.

Помимо формальных выгод, изучение методологии науки может

---

* *B. Russel*, *The Principles of Mathematics*, Cambr., 1903. *A. Whitehead* and *B. Russel*, *Principia Mathematica*, vv. I—II, Cambr., 1910—1912. Пеано, Кютюра и другие ученые придерживаются аналогичных взглядов. См.: Couturat, *Les principes des Mathématiques*, Par. 1905. Критический разбор таких попыток свести математику к логике см. у *H. Poincaré*, *Science et Méthode*, Par. 1908, pp. 152—214.

** *P. S. de Laplace*, *Exposition du Système du monde*, в *Oeuvres*, Par., 1884, t. VI, p. 464.

приводить и к более заметным, видимым практическим последствиям: оно имеет значение и для ее построения, и для ее развития.

В самом деле, методологическое обсуждение основных понятий играет существенную роль в построении науки: без критического отношения к ним такие понятия легко превращаются в своего рода *praenotiones* (предвзятое мнение — *Прим. ред.*), покоящееся на традиции: они или вовсе не определяются, или часто определяются неправильно, а, за недостатком строго выработанной терминологии, нередко и понимаются различно; но что сказать о формуле, элементы которой каждый понимает по-своему? Далее, придавая нашему мышлению в любой области возможно большее единство, последовательность и согласованность, знание методологии делает наши заключения гораздо более убедительными и для себя, и для других: лишь при единстве основания, т. е. выдержанности основной точки зрения, последовательности в рассуждении и согласованности выводов можно рассчитывать, при высказывании своих мыслей, на действительную убедительность их и для себя, и для других. Наконец, очищая индивидуальное мышление от случайных *praenotiones*, такое рассмотрение дает возможность более быстрого понимания друг друга, благодаря которому люди или приходят к соглашению, или убеждаются в принципиальной разногласии своих построений: сколько времени и сил тратится на праздные споры только потому, что спорящие взаимно не понимают своих исходных теоретико-познавательных точек зрения! Все сказанное, разумеется, близко касается и исторической науки: лишь обращаясь к методологии, она может установить более прочную и общепризнанную систему исторических понятий и выработать свою терминологию, пока еще очень шаткую, а, значит, и содействовать упразднению бесплодных споров между историками разных направлений.

В связи с такими результатами изучение методологии имеет практическое значение и для развития науки: хотя научное открытие есть акт индивидуального творчества, тем не менее, в ведении научных исследований тот, кто знаком с принципами и методами изучения данных объектов, работает с меньшей затратой сил и с большим успехом, чем тот, кто руководится только «чутьем», «здравым смыслом» и т. п. В области исторических разысканий, например, тот, кто что-либо открыл, положим, новую точку зрения на какую-нибудь эпоху, уступает, в самой разработке открытого, первенство тому, кто получил методологическую сноровку: ведь знание методологии дает ему возможность ясно определить основную точку зрения, сообщает выдержанность данному направлению мысли, оказывает влияние на самый ход исследования и вообще ограждает исследователя от увлечений его темперамента. Лишь придерживаясь теоретически продуманного метода, историк и, в особенности,

начинающий заниматься историческими исследованиями, в состоянии также соблюсти должную экономию в своем мышлении, может избежать излишней траты сил на самостоятельное разыскание точек зрения и путей, уже ранее установленных, обереечь себя от ошибок, и т. п. Употребление общепризнанного научного метода, сверх того, облегчает взаимное согласие и содействует развитию взаимопомощи между историками: оно внушает доверие данного исследователя к работам других, что дает ему возможность, не проделывая всего собственными силами, пользоваться чужими выводами. Самый добросовестный историк, при обработке мало-мальски обширной темы не может обойтись без дополнительных сведений, почерпаемых им из вторых рук; иначе он не мог бы двигать науку: он должен был бы сызнова исполнять всю работу своего предшественника. Для того, однако, чтобы с успехом воспользоваться чужими выводами, историк должен иметь какой-нибудь критерий их ценности; он усматривает его в том, что формальная корректность мышления, т. е. методологические требования, соблюдены, но он в состоянии пользоваться подобным критерием, очевидно, лишь предварительно зная, в чем именно состоят эти требования, а общее знание их он может почерпнуть из методологии истории. Таким образом, знание исторической методологии дает возможность историку систематически проверять чужие выводы относительно исторических фактов и, если он признает их в методологическом смысле правильными, опираться на них, а в противном случае, разумеется, отбрасывать их.

Вышеприведенные рассуждения о значении методологии науки для ее разработки, конечно, тем более нужны, чем менее установлены исходные ее положения: хотя они и в естествоведении далеко не вполне выяснены, но еще более спорны в такой области научного знания, как история, а потому здесь чувствуется особенная нужда в теоретико-познавательных и методологических разысканиях.

Несмотря на то, что методология имеет существенное значение для науки, до сих пор можно встретить возражения против нее, главным образом, со стороны тех, которые смешивают генетическую точку зрения с теоретико-познавательной. Если полагать, например, вместе с некоторыми из выдающихся представителей современной науки, что наше познание есть «приспособление мыслей к фактам», то легко допустить сомнение и в целесообразности методологических рассуждений о тех принципах и методах, под условием и при помощи которых, согласно противоположной теории, мы можем познавать их, т. е., главным образом, устанавливать связь между нашими представлениями о них.* Раз-

---

* *E. Mach*, *Beiträge zur Analyse der Empfindungen* (1886), рус. пер. Г. Котляра, с. 35: «Наука возникает всегда в процессе приспособления нашей абстрактной

бор важнейших взглядов подобного рода, в особенности тех, которые ближе всего касаются методологии истории, покажет еще раз то значение, какое она имеет для исторической науки.

Вообще, выдвигая значение научного творчества, противники методологии полагают, что нет возможности или нужды рассуждать о принципах и методах исследования: каждый интуитивно пользуется ими; он применяет и развивает их в самом процессе работы. Приверженцы таких взглядов справедливо указывают на то, что научное творчество не создается методологией: оно зависит от особенностей данной индивидуальности, взятой в целой совокупности ее мыслительных, эмоциональных и волевых процессов, и есть ее индивидуальный акт; оно тесно связано с интуицией, которая играет главнейшую роль, например, в «математическом изобретении», да и во всякой другой созидательной работе человеческого духа. Противники методологии упускают из виду, однако, что наука должна отличаться систематическим единством, общезначимостью и обоснованностью своих положений, требующих ясного сознания ее принципов и методов: математические «конструкции», например, основаны на логике, придающей им ту строгость и стройность мысли, к которым, разумеется, стремятся и другие научные дисциплины.* Напрасно сомневаясь в значении методологии для наук, в частности и для истории, интуитивисты слишком мало принимают в соображение, что предварительное ознакомление с принципами исторического знания имеет большую ценность для историка: лишь в том случае, если он опознал те принципы, которыми ему приходится поль-

---

мысли к определенной области опыта». *M. Verworn*, *Die Entwicklung des menschlichen Geistes*, 2 Aufl., Jena 1912, p. 30. Полемизируя с Кантом, автор расширяет формулу, высказанную Махом применительно к научному исследованию. Метафизически-онтологическая концепция мышления, «верно отражающего бытие», едва ли не лежит в основе понятия о науке в смысле «полного и выдержанного описания фактов опыта в возможно более простых терминах», на котором настаивают, в разных формулировках, Кирхгофф, Мах, Пирсон, Уорд, Томсон и другие; ср. *G. Kirchhoff*, *Vorlesungen über Mechanik*, Berl., 1876, Vorrede; *J.A. Thomson*, *Introduction to science*, Ld. s. d., p. 41. Большинство из них лишь подразумевает такую предпосылку и не обосновывает ее; Адлер, по крайней мере, ясно формулировал ее; ср. *M. Adler*, *Mach und Marx*, в *Archiv für Sozialwissenschaft*, Bd. XXXIII (1911), S. 365. Стадлер, находившийся под влиянием вышеуказанного понимания науки, признавал ее, однако, лишь «возможно более точным описанием совокупности представлений, данных в человеческом сознании»; см. *A. Stadler*, *Zur Klassifikation der Wissenschaften*, в *Archiv für systematische Philosophie*, Bd. II (1896), S. 7.

* *H. Poincaré*, *La valeur de la Science*, Par. s. d., pp. 11–34; *Science et méthode*. Par. 1908, pp. 43–63.

зоваться, он может придавать систематическое единство своему знанию об исторической действительности, не смешивая разных понятий, высказывать общезначимые и обоснованные суждения о ней и методически производить свою работу, постоянно подвергая ее ход надлежащему контролю. Вместе с тем сторонники интуитивизма едва ли обращают достаточное внимание на то, что те, а не иные принципы знания всегда обуславливают и те, а не иные методы исследования: они забывают о том, что ясное сознание значения исторических принципов регулирует научные приемы историка и что достигнуть его он может лишь путем методологических рассуждений.

Под влиянием такого смешения психогенетических понятий с гносеологическими противники методологии слишком доверчиво относятся к тем факторам творчества, которые могут иметь значение для развития науки, и пренебрегают методологическим рассмотрением их продуктов, без которого она не может, однако, принять их в свой состав.* С такой точки зрения роль воображения в научном творчестве, например, подвергается разнородной оценке, которая то превозносит, то принижает его и соответственно высоко или низко ценит методологию. Само собою разумеется, что творческое воображение, нужное ученому, не создается методологией: оно дает ему возможность, например, конструировать разные геометрии, отличные от эвклидовой, исходя из поверхностей положительной или отрицательной кривизны; представлять себе строение материи из бесконечно малых частиц, недоступных наблюдению; прибегать к подстановке собственных состояний сознания под чужие действия и т. п. Человек, не обладающий достаточной силой такого воображения, конечно, не может сделаться настоящим ученым, не будет и настоящим историком. В самом деле, историк должен, например, воспроизводить в себе состояния чужого сознания, иногда очень далекие от привычных ему состояний, и ассоциировать между собою идеи, кажущиеся его современникам чуждыми друг другу; он должен интересоваться разнообразнейшими проявлениями человеческой жизни, ярко переживать то, что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т. п.; он должен быть также способным представить себе тот индивидуальный образ, который подлежит его реконструкции, и придумать более или менее смелую гипотезу, пригодную для объяснения единичных фактов или для построения из них целых групп или серий, входящих в состав данного исторического целого. Вполне признавая ту существенную роль, которую воображение играет в созидательной его работе, историк должен, однако, сознавать и те основания или критерии, в силу которых он пользуется ее

---

* Ср. выше. С. 46.

результатами: историк-ученый не может принять то, что ему подсказывает его воображение, не выяснив, какие именно принципы лежат в основе его работы и каково их значение, а также не подвергнув методов, да и самых результатов исследования предварительной проверке. Впрочем, и тот историк, который широко практикует подобного рода «дивинацию» (откровение путем гадания — *Прим. ред.*), все же часто прибегает к помощи научного анализа, прежде чем окончательно завершить свое построение; но в таких случаях он или пользуется им слишком мало, или удовлетворяется более скромной ролью: он постоянно стремится систематически регулировать и контролировать силу своего построительного воображения и думает достигнуть цели не путем исключительно интуитивно-синтетической дивинации, а путем научно-синтетической конструкции. Аналогичные замечания можно высказать, конечно, и относительно рассуждений о «здоровом смысле» историка, оберегающем его от грубых промахов, о «нравственном чувстве», обостряющем его восприимчивость к социальной жизни, об «эстетическом сознании», внушающем ему более или менее широкое построение целой культуры, и т. п.* Следовательно, несмотря на сомнения тех, которые слишком мало различают факторы исторического творчества от исторических методов, можно тем не менее придавать значение методологическому их рассмотрению.

В связи с интуитивным творчеством и его факторами, некоторые охотно ссылаются на еще более сложное состояние сознания, а именно на «чутье» ученого, будто бы заменяющее ему методическое мышление; но «чутье» исследователя, кроме того, основано на известной «сноровке», которая, в свою очередь, уже опирается на методически правильное мышление; то же можно сказать и про «чутье» историка: он приобретает его благодаря известной «сноровке» в понимании более или менее значительной части доступного ему материала, лишь предварительно методически изучив остальную его часть, и таким образом получает возможность построить гипотезу, которая, разумеется, сама нуждается в методологическом контроле.

Помимо того, что смешение генезиса знания с его теорией затемняет различие между интуитивным и дискурсивным мышлением, оно вредно отражается и в области последнего, например, при рассмотре-

---

* *H. Maier*, *Psychologie des emotionalen Denkens*, Tüb. 1908, особенно отделы I—III; указания на литературу см. там же, сс. 5—26. Ср. еще: *F. Paulhan*, *Psychologie de l'invention*, Par. 1901, pp. 2, 10, 28—43, 66—70. *B. Erdmann*, *Die Funktionen der Phantasie im wissenschaftlichen Denken*, Berl. 1913. *J. Tyndall*, *On the scientific use of imagination*, в *Fragments of science*, 3 ed., pp. 125—167. *H. v. Sybel*, *Gedächtnisrede auf Leopold v. Ranke*, в *Histor. Zeitschr.* Bd. 56 (1886), S. 475.

нии соотношения между некоторыми мыслительными операциями, имеющими существенное значение для методологии науки.

В самом деле противники ее часто смешивают, например, генетическое преемство некоторых синтетических операций вслед за аналитическими в истории наук с логическим их соотношением: анализ, по мнению многих ученых, должен предшествовать синтезу; значит, и рассуждения об общих принципах и методах наук, отличающиеся синтетическим характером, преждевременны. В замечаниях подобного рода ученые упускают из виду тесную логическую связь, в какой вышеуказанные понятия находятся между собою, и, в сущности, говорят не о наиболее общих формах или синтетических принципах нашего мышления вообще, а о специальных научных обобщениях в данной области нашего опыта: ведь нет возможности производить какой-либо анализ без каких-либо руководящих принципов синтетического характера, хотя бы применение их к более конкретному содержанию и развивалось во времени. С этой точки зрения и рассуждения о принципах и методах исторической науки нельзя считать преждевременными: такие понятия сознательно или «бессознательно» более или менее обуславливают научно-историческое исследование, хотя содержание их может изменяться во времени, и, в зависимости от действительного развития самой исторической науки, получает более точную, специфически научную формулировку.

Аналогичное смешение между двумя, по существу различными, точками зрения — эволюционной и теоретико-познавательной — также позволяет противникам методологии наук сослаться еще на одно соображение: в истории наук методологические рассуждения обыкновенно следовали за великими открытиями, а не предваряли их. С генетической точки зрения методология науки, действительно, не предшествует ей, а следует за нею, хотя бы потому, что научное творчество не создается методологией, а только рассматривается ею в его результатах; но в данном случае речь идет о значении методологии для науки, а не о ее развитии: с аналитической точки зрения и методология исторической науки, подобно всякой другой, логически предшествует ее выводам, систематическому их изложению, не говоря о том, что наука и в особенности наука столь сложная, как история, слагается не сразу, и что разработка ее методологии влияет на последующее ее развитие.

Итак, лишь различая теоретико-познавательную точку зрения от генетической, можно избежать того смешения понятий, благодаря которому отрицательное отношение к методологии истории становится возможным.

Следует заметить, что, помимо чисто теоретических соображений, и в действительности те, которые возражают против значения методоло-

логических рассуждений, разумеется, пользуются известными принципами познания и методами изучения: только они не выделяют их сознательно из общего потока своего мышления. Великий ученый, открывший электродинамизм, назвал, например, свой знаменитый труд «теорией явлений электродинамических, основанной единственно на опыте»; он, значит, думал, будто бы для построения своей теории он не прибежал ни к какой гипотезе, а между тем он опирался на целый ряд «гипотез»; только он делал это, сам того не замечая. Один из почтенных историков нашего времени также сомневался в полезности методологических рассуждений, что не помешало ему, однако, придерживаться современных методов исторического изучения и даже предлагать новые в целом ряде исторических работ и т. п.*

Итак, нельзя отрицать значение методологических рассуждений, не впадая в противоречие с основными задачами научной работы. С такой точки зрения и методология истории имеет полное право на самостоятельное существование, хотя далеко еще не может считаться вполне сложившейся дисциплиной научно-исторического мышления: она более определена по своему содержанию и менее широка по своему объему, чем философия истории, так как имеет в виду одно только учение о принципах и методах исторической науки и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества или его «исторических судеб».

---

* *H. Poincaré*, *La Science et l'hypothèse*, 1 ed., p. 260; речь идет об Ампере и о его сочинении «*Mémoire sur la théorie des phénomènes électrodynamiques uniquement fondée sur l'expérience*». Par. 1827. *O. Lorenz*, *Die Geschichtswissenschaft* и проч., Berl., 1891. Т. II, SS. 279 ff.